

Солнечных взлетов Вам, дорогой Вячеслав Федорович!

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРА!

Редакция газеты «Комсомолец Киргизии» и ее читатели шлют самые искренние пожелания Вячеславу Федоровичу Казакову, народному артисту Киргизской ССР, чья яркая жизнь переступает порог 50-летия. 30 лет этой жизни отдано театру, творчеству. Создана галерея незабываемых образов. Пройдено много трудных дорог, приведших артиста к заслуженной известности. А дороги зовут и ведут дальше, в завтрашний день, насыщенный упорным трудом, неугасимым поиском, вдохновением и радостью удач...

Солнечных взлетов Вам, Вячеслав Федорович!

Бойцы каким-то образом узнали, что их начштаба артист. Снарядили посла. Солдат вошел в землянку, козырнул, смущенно откашлялся и, наконец, проговорил:

— Говорят, вы актер. Ребята просили, чтобы вы спели.

— Не умею, к сожалению, — вздохнул он. — Петь не умею.

— Как же? Ведь вы — артист.

— Да вот так уж... А петь не умею...

Солдат расстроился. Помрачнел.

— Песен захотелось, — говорил он тоскливо. — Надеюсь на вас. Тогда хоть на гитаре сыграйте.

— И этого не умею.

— Как же? Что же это такое?

— Да вот так уж...

Солдат совсем помрачнел. Вячеслав Федорович понимал солдата. Но объяснять, что он не певец и не гитарист, а драматический актер, не стал. Он подошел к нему, сказал: «Идем!» Солдат машинально взялся за дверь.

В зловещей тишине, которая готова была вот-вот разразиться шквалом огня, он сыграл сцену из спектакля. И тогда бойцы назвали его легендарным начштаба. Потому, что он был не обычный человек, а актер.

Это происшествие растрожило Вячеслава Федоровича. Тоска по сцене захлестнула петлей. Где-то далеко позади остался милый город Фрунзе, «дедово гнездо», как вслед

за Алыкулом Осмоновым звал он киргизскую столицу.

...Последним довоенным спектаклем Казакова был «Парень из нашего города». Только сыграл он его не на сцене, а в жизни — добился зачисления в пехотное военное училище, успешно закончил его и отправился на фронт.

...Начштаба присел под березой. Он неизменно носил с собой полевую офицерскую тетрадь. Она пестрела короткими, лаконичными записками: «...Начало — в 6.40... До 8.45... Больше огня. 8.00 — на вышки... Вторым эшелоном — огонь!».

«Из душной вышел я землянки
Ночной прохладой подышать.
Сверкали звезды, как стеклянки.
Я стал бывшее вспоминать.
Но что было! Завтра в бой.
Лавиной двинемся в атаку.
И кто останется живой,

Тот не забудет эту драку.
Я лег на землю. Закурил.
Солдаты рядом. Мирно. Тихо.
Средь них веселый был один.
И он запел вдруг песню лихо.
Потоком бурным песня лилась.
В окопы к немцам залетела.

Свинцом тяжелым налилось
Мое измученное тело.
И вот настал рассвета час.
Команда прозвучала к битве...
Споют когда-нибудь про нас.
Старушки вспомнят нас в молитве...»

Он писал. Писал торопливо, строчку за строчкой. На земле, действительно, уже наступал рассвет...

Пожелтевшие страницы полевой тетради. Кажется, они еще дышат огнем, пахнут порохом. Удивительная тетрадь. Стихотворный дневник. Строки торопливые, неотделанные — шлифовать было некогда. Но мысли и чувства в них выверенные. В них — ненависть к врагу, тоска по родной земле. Рисунки... Фашисты со штыками и автоматами. Свиристые, сбитыми физиономиями, оброс-

шие, злые и запоминающиеся карикатуры. Беснующийся Гитлер с выпученными глазами. Над ним — тупая, идиотская морда фашистского солдата.

В стороне — береза. Милая береза! Ствол ее начисто срезал снаряд. Остался молодой побег. Сиротливо дрожат ветви от пронесшихся в воздухе пули.

Поляна у подножья холмов. Опять полусраженное дерево. Простой деревянный русский крест под березой: на кресте — зловещий ворон.

Следы сотрут, Снега и бури.
Тропинки зарастут травой.
Здесь мысли буйные уснули.
Здесь прах с разбитой головой.

И вдруг на одной странице крупно, размашисто, наискос: «Будешь жив. Понял? 8.09.44.»

Вячеслав Федорович тогда лежал в госпитале. Осколок поразил его в голову. Прямо в мозг. Тяжелая контузия свалила его. Это лечащий врач написал в его тетради на всю страницу желанную фразу. Написал потому, что раненый не слышал и не говорил...

Болезнь отступила. В тетради появилась новая запись: «Третий рапорт. Категорически. Подал 13.01.45. Уеду в дивизию. Воевать уеду! Не желаю прозябать в тылу. 12.01.45.»

Бежали фашисты. Воин-артист рисовал их, полуборзанных, похожих на чертей, нырявших в омут головы. Карандаш его становился все злее, веселее. Дневниковые записи все больше напоминали наброски к целой поэме о России, о ее доблестном народе.

Л. ШЕИНА. (Наш спец. корр.)

Читателям газеты «Комсомолец Киргизии»...
Русское искусство имеет вековые традиции, и мы, советские художники, не только сохраняем их, но и развиваем мастерство Советского театра. Мы киргизы, с нашей любовью к сцене, к театру, к правдивому слову, к честной и правдивой драматургии.
О искреннем отношении к театру
В. Казаков

ДАВНЫМ-ДАВНО...

Москва. 1935-й год. На черном небе ни единой звездочки. Моросит мелкий теплый дождик, делая поверхность асфальта зеркальной. В асфальте отражается свет бегущих автомобилей.

Москва! Сколько удивительных дней радовала сердца двадцати пяти юношей твоя могучая и незабываемая красота! Твои дворцы, музеи, библиотеки и театры заронили в наши души чудесные зерна величия искусства, раскрыли занавес в мир прекрасного, в мир творений Мельпомены. И вот после пяти трудных, но незабываемых лет мы уже не студенты. Мы выходим на широкую самостоятельную дорогу держаний, поисков, удач и разочарований. Что-то ждет нас на тернистом пути искусства?

То была наша сокровенная дума в последний вечер прощания с родной Москвой. Но мы были полны сил и молодого, комсомольского задора. Мы были убеждены, даже самоуверенны... Впереди — только прекрасное, только широкие безоблачные горизонты и увлекательная любимая работа.

Путевка в жизнь дана. Диплом получен. ГИТИС, напутствуя, крепко пожал нам руку. Начинается самостоятельная жизнь.

В те далекие годы я не имел понятия о Киргизии. Знал ее только по географии. И вот предстал длинный путь к отрогам Тянь-Шаня, путь в страну гор.

Казанский вокзал. Протяжный гудок паровоза. Последнее прощанье... И мы едем на восток. За пять дней путешествия мы услышали много интересного и пугающего об этом крае. Нам рассказывали о верблюдах, об ослах, об арыках и чайханах, о чудесных фруктовых садах и в заключение о каракуртах, скорпионах и фалангах. Многие не на шутку были перепуганы предстоящими встре-

чами, так как, по уверению рассказчиков, ядовитые пауки водились даже в жилых домах.

Арысь. И наконец, граница Киргизии — станция Луговая.

Медленно тащится поезд, минуя маленькие станции, разъезды. Карабалты. Пишпек. Долгая стоянка в каком-то тупике Жара забирается в вагон и выгоняет нас на солнцепёк. Но здесь еще тяжелее.

Тронулись. Через несколько минут предстал таинственный и незнакомый город Фрунзе.

Жадно всматриваемся в даль, ищем вокзал. Вдруг гудок паровоза. Заскрипели тормоза. Приехали. О, боже! Вокзала нет. Просто деревянная платформа, до которой нас дотащил хилый паровоз.

Итак, я во Фрунзе. Откро-

венно говоря, мне было грустно.

В первый день приезда я посетил театр, который и поныне стоит в Дубовом парке. Ознакомился с внутренним неприглядным видом кулис и зрительного зала. Все было запущено, захлащено. Директор театра С. Бектурсунов старался развеять наше мрачное настроение. Ему это удалось. Мы стали энергично готовиться к встрече со зрителем. Дело доходило и до мытья полов, и до выноса мусора. Своими руками мастерили декорации.

Комсомольский энтузиазм сделал свое. 15-го сентября 1935 года открылся первый сезон стационарного Фрунзенского драматического русского театра пьесой А. Корнейчука «Платон Кречет» в постановке ныне народного

воз. Кругом пыль, пыль, пыль.

От «вокзала» города не видно. Он был в мутном тумане. Зелень окрашена в серый цвет. Знаменитая аллея Дзержинского имела очень грустный, непривлекательный вид. Деревья сохли, преждевременно сбрасывая пожелтевшую от зноя листву.

Базарная площадь, где был Дом крестьянина, встретила меня диким ревом сотен маленьких лошадей, возвещавших приближение конца рабочего дня. Эти милые животные в те далекие времена являлись основным транспортом. В 1935 году город напоминал нашу большую российскую деревню. С той лишь разницей, что крыши домов были покрыты не соломой, а камышом.

Итак, я во Фрунзе. Откро-

ОБРАЗЫ, СОЗДАННЫЕ В. Ф. КАЗАКОВЫМ

1. Шатров. «Именем революции». В роли В. И. Ленина.

2. Н. Погодин. «Верность». В роли профессора Первозванова.

3. Н. Погодин. «Как манящие огни...». В роли М. В. Фрунзе.

4. А. А. Глоба. «Пушкин». В роли А. С. Пушкина.